УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНѢЕ.

На другое утро, проснувшись, Саша вспомнила о потерѣ своей. — Няня, а кукла? спросила она садясь.

— Ну нѣту, матушка, не нашли, ничего не нашли; знать кто поднялъ, говорила няня, разводя руками.

Бабушка заглянула изъ своей комнаты и увидѣла внучку грустную, съ опущенными глазами и руками; неподвижная Саша, въ ночномъ чепчикѣ и кофточкѣ, сидя на постели, походила на бѣлый столбикъ.

— Сашенька, вставай скорѣе, мнѣ надо что–то тебѣ сказать.

Саша задумчиво стала обуваться, но какъ ни вертитъ она чулокъ, а пятка все приходится на передъ; потомъ стала потихоньку умываться, а вода кажется ей такой холодной. Няня торопитъ: «ступай, Сашенька, чай бабушка дожидается!»

Медленно, вяло идетъ дѣвочка къ бабушкѣ; на постели у старушки, сверхъ

бѣлаго одѣяла, лежитъ алая атласная подушка въ батистовой вышитой наволочкѣ.

— Это у васъ, бабушка, мамина подушка? спросила Саша. Позвольте посмотрѣть. — Но бабушка взяла ее за обѣ руки, и притянула къ себѣ.

— Ты вчера потеряла куклу, свою дочку? сказала старушка. — Саша вздохнула. — Мама даритъ тебѣ живую куклу въ дочки, ты станешь на нее шить и одѣвать и кормить ее, она будетъ открывать ротикъ и глотать, ты станешь ее за ручку водить и учить говорить.

— Бабушка, гдѣ, покажите, кричала Саша, прыгая и освобождая свои руки изъ рукъ старушки.

— Она будетъ живая дочка, а когда станетъ говорить, то станетъ звать тебя мамой крестной, говорила старушка, придвигая для внучки стулъ къ кровати.

Саша, едва переводя духъ, взлѣзла; бабушка приподняла маленькое фланелевое одѣяльце, а подъ нимъ лежала нарядная, какъ кукла, крошечка, повитая сверхъ свивальника широкой алой лентой,

завязанной на ножкахъ большимъ бантомъ съ длинными концами; а на головкѣ былъ надѣтъ нарядный чепчикъ съ алыми петельками. Новорожденную нарядили, какъ куклу, чтобы она понравилась Сашѣ, которая почему–то не любила маленькихъ дѣтей, и не любила даже умершую сестрицу свою. Понимая старческою мудростію своею, что мы любимъ во всемъ свое дѣло, свой трудъ и свою работу, иначе дѣло остается для насъ какъ бы чужимъ, бабушка на этотъ разъ хотѣла заставить Сашу полюбить маленькую сестричку свою съ самаго начала, и для того вздумала замѣнить ей потерянную куклу живою сестрицей, подаривъ ей сестрицу эту для ухода за нею.

— Мама велѣла тебѣ сказать, продолжала бабушка, чтобы ты сама выбрала имя твоей крестной дочкѣ, назови ее какъ хочешь.

— Бабушка, какъ я тебя люблю, воскликнула Саша, обнимая и цѣлуя бабушку; въ радости, она забыла вѣжливое вы, и съ этой минуты стала говорить

старушкѣ ты. — Какъ я люблю, продолжала она, и тебя и мою дочку, и папу съ мамой, и Мишу! Позволь позвать сюда Мишу! Позволь мнѣ поцѣловать дочку!

Дѣвочка была такъ счастлива, что не знала бѣжать ли за братомъ или оставаться при ребенкѣ. Присѣвъ къ постели, она поцѣловала конецъ ленты и бантикъ, потомъ, осторожно ощупавъ ножки, припала къ нимъ. Въ ней впервые зашевелилось сладкое чувство заботливой любви къ меньшему. Въ это время изъ Мишиной дѣтской раздался призывъ: няня, няня! крикъ все усиливался: няня, глухая нянька! потомъ послышалось шлепанье босыхъ ножекъ; и вотъ, босикомъ, въ одной сорочкѣ, Миша побѣжалъ было въ нянину комнатку, но няня перехватила его на перепутьи.

— Это ты что, сударь, босикомъ, да въ одной сорочкѣ бѣгаешь? вотъ дай срокъ, все бабушкѣ разскажу! Иди сейчасъ въ постельку! — Миша уцѣпился за няню, спрашивая: «нянюшка, а что, куклу нашли?»

— Гдѣ найти, ее чай лошади да кареты въ порохъ испорошили!

— Вотъ тебѣ и разъ, сказалъ мальчикъ, повѣся голову, вотъ тебѣ и дочка, говорилъ онъ, усаживаясь на постели. Ужь эти дѣвчонки ничего не умѣютъ беречь!

— Да ты что, Мишенька, развоевался на сестрицу, вѣдь куколка–то ея была, ей больше твоего чай жалко!

— Няня, вѣдь она была моя племянница, сквозь слезы отвѣчалъ мальчикъ.

— А ты вставай скорехонько, да ступай къ бабушкѣ, сестрица у нея что–то тамъ смѣется, должно быть весело.

— Бабушка, можно къ вамъ? закричалъ Миша, широко распахнувъ двери.

— Миша, Миша, поди сюда, посмотри на мою дочку, она живая, она станетъ кушать! Мы съ тобою будемъ ее кормить, будемъ ей шить платьеца! а ты вотъ взлѣзь сюда, вотъ такъ!

Миша помѣстился на стулѣ и съ изумленьемъ смотрѣлъ на крошку. Бабушка поддерживала его сзади.

— Миша, мы съ тобою станемъ водить ее гулять: я за одну ручку, а ты за другую; я тебѣ позволю это, она будетъ твоя племянница. Мальчикъ сталъ улыбаться.

— Мишенька, какъ мальчикъ, будетъ оберегать и защищать малютку, сказала бабушка.

— Я, бабушка, надѣну новую саблю, воинственно говорилъ Миша, и кто подойдетъ, — того изрублю!

— Того изрубишь, дружокъ, кто будетъ обижать, а то можетъ быть другой подойдетъ, чтобы поласкать ее, за что же ты его изрубишь?

— Я буду позволять ласкать, сказала Саша. — И я также, подтвердилъ Миша. — Бабушка, положи мнѣ дочку на колѣни, умильно просила дѣвочка.

— Хорошо, я вамъ обоимъ положу на колѣни; садись, Миша, на постель, рядышкомъ, ближе къ сестрицѣ, вотъ такъ. Ну, теперь я положу вамъ ее съ подушкой, со всѣмъ какъ есть. А ты не трогай, дружокъ, говорила старушка мальчику, который въ нетерпѣніи и радости, весь какъ

живчикъ дергался и бился, — а то разбудишь Сашину крестницу.

— Миша, осторожнѣй, строго сказала Саша. Но вотъ бабушка опустила пышную подушку дѣтямъ на колѣни, оба глубоко вздохнули отъ радости. У Миши лежали ножки, перевязанныя широкимъ бантомъ, у Саши крошечная нарядная головка. «Бабушка, она дышетъ, погляди!» говорила дѣвочка шопотомъ, наклонясь надъ личикомъ крошки.

— Да вѣдь за то она живая, замѣтилъ Миша. Бабушка, бабушка, закричалъ мальчикъ, смотри, она шевелитъ ножками!

— Бабушка, она ротикъ открываетъ, говорила Саша, вотъ поворачиваетъ головку.

— Она хочетъ кушать, понесемъ ее къ мамѣ, пора, сказала бабушка, а вы поддерживайте одѣяльце, чтобы оно не упало. Бабушка шла съ подушкой, дѣти на цыпочкахъ прыгали около нея.

— Папа, папочка, ты видѣлъ мою племянницу? кричалъ мальчикъ, подбѣгая къ отцу.

— Папа, погляди на мою дочку, только не разбуди ее, говорила Саша.

— Папа, я стану носить всегда мою новую саблю и никому не позволю обижать моей племянницы!

На удивленный взглядъ сына, старушка весело отвѣчала: «Мы идемъ благодарить маму за крестную дочку, которую она подарила Сашѣ.»

— Папа, это моя племянница, ты, папа, видѣлъ ее? Мы будемъ сами кормить ее, я стану приносить ей все мое сладенькое, сказалъ Миша. — Благодарная Саша бросилась обнимать и цѣловать Мишу за то, что онъ хочетъ все лучшее отдавать ея крестницѣ. Отецъ поглядѣлъ привѣтливо на дѣтей, поцѣловалъ каждаго въ головку, и съ любовью и благодарностью поглядѣлъ вслѣдъ уходившей старушки.

Почти на порогѣ темной спальной встрѣтила ихъ пріѣзжая старая няня Михаила Павловича, говоря шопотомъ, что Софья Васильевна почиваетъ. Нянюшка самовластно завладѣла новорожденною, поспѣвая прислуживать и своей матушкѣ

старой барынѣ и крошкѣ внучкѣ ея. Дѣтямъ не хотѣлось разставаться съ малюткой, но дѣлать было нечего, бабушка услала ихъ пить чай. До чаю ли имъ было! Дѣти прыгали, какъ козлята, разсказывали нянѣ про свою радость, потомъ побѣжали по всему дому съ вѣстью, что у Саши, вмѣсто куклы теперь есть живая крестная дочка. Миша всѣмъ кричалъ, что живая племянница для него лучше куклы, и что онъ никому не позволитъ ее обижать, а ласкать, быть можетъ, позволитъ! Обѣжавъ весь домъ и разсказавъ всѣмъ встрѣчнымъ, что у нея дочка, Саша встрѣтила дворецкаго, бывшаго дятьку отца; бросясь къ старику и задыхаясь отъ радости, она проговорила: «Порфирій, душечка, мнѣ мама подарила крестную дочку, я сама выберу ей имя!» Старикъ Порфирій, безъ памяти любившій господскихъ дѣтей, наклонился къ Сашѣ, и чинно спросилъ ее: «Это значитъ, вы, Александра Михайловна, воспріемницею младенца будете? Позвольте васъ поздравить.» И низко кланяясь и цѣлуя у ребенка ручку, прибавилъ:

«великое дѣло, матушка барышня, принимать младенца отъ купели! Крестные заручаются своею душою за младенца.»

— Какъ это? вскричала изумленная Саша.

— Да такъ, золотая моя барышня! и чтобы не запугать ребенка, онъ прибавилъ: ну, коли возростите младенца въ страхѣ Божьимъ да въ умѣ–разумѣ, значитъ, ангельскую душеньку сберегли; дай же Господи вамъ меньшую сестрицу окрестить, да Господу Богу во славу, а людямъ на радость возрастить, говорилъ раскланиваясь старикъ. Непонятныя, но особенно чинно сказанныя Порфиріемъ слова поуспокоили на время дѣтскую шумную радость; они изъ всего, что говорилъ старикъ, поняли, что крестины не шутка, а вещь важная. Обѣжавъ весь домъ, дѣти вспомнили о своихъ двоюродныхъ братьяхъ и сестрахъ.

— Миша, Миша! какъ Лиза и Аля обрадуются, — это просто чудо, какъ они обрадуются! говорила Саша, прыгая передъ братомъ.

— Еще бы! разумѣется, а Мери–то, а Алеша–то! и потомъ прибавилъ: давай, напишемъ имъ! — Вотъ это славно! вскричала Саша, обрадованная мыслью брата, — давай писать, я къ Лизѣ и Зиночкѣ напишу, да еще къ Алѣ, а ты къ Сережѣ съ Алешой и маленькой Мери; да? спросила дѣвочка, выжидая согласія брата.

— Да! отвѣчалъ Миша, кивая головою.

Взявшись за руки, побѣжали они къ бабушкѣ; старушка, выслушавъ ихъ, дала имъ все нужное для письма, и усадила за своимъ столомъ.

— Бабушка, сказала Саша, перебирая бумагу, ты не дала намъ простой бумаги, чтобы написать начерно!

— Для чего же начерно, пиши прямо набѣло.

— Да мы не умѣемъ такъ писать, намъ надо напередъ поправить, а потомъ мы перепишемъ, сказали дѣти въ голосъ.

— Напрасно; и много вамъ поправляютъ? спросила старушка.

— Охъ конечно! отвѣчали дѣти опять вголосъ, иногда все письмо перечеркаютъ!

— Что же вамъ поправляютъ, ошибки ли словъ, или самый складъ письма? допытывалась бабушка.

— Видишь, бабушка, отвѣчала Саша, прежде обыкновенно начнутъ поправлять ошибки, а потомъ какъ увидятъ, что мы написали нескладицу, то и перечеркнутъ все и напишутъ тамъ сами, а мы переписываемъ набѣло.

— Это значитъ, что вы сами никогда не пишете писемъ, а только переписываете чужія, замѣтила бабушка.

Дѣти молча, раскрывъ глаза, смотрѣли на бабушку, а Саша тихо и нерѣшительно проговорила: «мы... мы ихъ сами отсылаемъ».

— Ну да, переписавъ чужія письма, вы подписываете подъ ними свои имена, какъ будто вы письма эти сами сочинили, и потомъ разсылаете ихъ; желала бы я знать, вѣрятъ вамъ или не вѣрятъ тѣ, кто ихъ получаетъ, прибавила старушка, вопросительно глядя на дѣтей.

Слѣдя за мыслію и словами старушки, Саша отвѣчала: «Не знаю»; потомъ вдругъ

надумавшись, закричала «бабушка, а можетъ быть они сами такъ же дѣлаютъ?»

— Можетъ быть, дружокъ мой, и даже очень вѣроятно, что есть много дѣтей, которыя и себя и другихъ обманываютъ. Скажи мнѣ, Саша, развѣ тебѣ не веселѣе самой на письмѣ поболтать съ сестрами, нежели чужой разговоръ переписывать? не пріятнѣе ли тебѣ прочитать то, что Лиза сама думаетъ, да нескладно напишетъ, или то, что ея гувернантка сочинитъ, и заставитъ ее переписать?

— Конечно бабушка, разумѣется!

— Ну, вотъ видишь ли! ну и сама такъ дѣлай, чтобы Лизѣ было веселѣе читать твое письмо.

— Бабушка, а если онѣ станутъ смѣяться?

— Кто станетъ смѣяться? какъ бы въ недоумѣніи спросила старушка.

— Да всѣ, и гувернантка, и тетя, и дѣти!

— Дѣтямъ смѣяться нечего, они и сами вѣроятно не безъ ошибокъ пишутъ, сказала бабушка, а если взрослые посмѣются надъ вашими записками, такъ тутъ ничего нѣтъ

обиднаго, потому что имъ забавно дѣтское неумѣнье, точно такъ, какъ васъ забавляетъ Софочкина болтовня, а вѣдь Софа не стыдится своего неумѣнья, и не заставляетъ няню говорить за себя, какъ то дѣлаете вы, переписывая чужія мысли. А коли отъ неумѣнья и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ смѣшно, да вы поймете въ чемъ дѣло, то и сами себѣ насмѣетесь, и поумнѣете. Пора вамъ, дѣти, — тебѣ, Сашенька, девять лѣтъ, а Мишѣ восемь, пора вамъ самимъ за себя говорить; вы шутя, пріучитесь скоро собираться съ мыслями, и бѣгло и вѣрно ихъ передавать. Ну, такъ садитесь же, благословясь, за дѣло, и пишите то, что сказали бы вы имъ, если бы они были здѣсь.

— И совсѣмъ переписывать не станемъ? спросилъ Миша, какъ бы не довѣряя себѣ хорошо ли онъ понялъ.

— Не станете.

— Это хорошо, бабушка, сказалъ мальчикъ, одобрительно кивнулъ головой, и наклоняясь сѣлъ писать крупными буквами слѣдующее:

«Алеша! Мери! Сережа!

«Вотъ что! у меня есть живая племянница, чудо какая, и ножками шевелитъ; Саша будетъ ее крестить, я ужь теперь стану играть своей новой саблей, и никому не позволю обижать племянницу. Все самое, самое сладенькое, мы съ Сашей будемъ ей отдавать, и вы также.

«Братъ вашъ Миша.»

«Еще вотъ что: я самъ сочинилъ это письмо, — бабушка велѣла.»

Саша писала скорѣе брата и потому подала свое письмо бабушкѣ напередъ Миши; читая его, бабушка поправляла только ошибки правописанья карандашомъ. Саша писала Лизѣ:

«Лизочка, знаешь ли какую радость я тебѣ скажу, Лизочка душка, послушай: я вчера ѣхавши съ балу потеряла свою куклу, мама подарила мнѣ свою дочку, маленькую, маленькую, она будетъ моей крестной дочкой, и Мишиной племянницей; какая она маленькая и тепленькая, просто прелесть! скажи про нее Зиночкѣ, а Софочкѣ и Лили

не говори, онѣ еще дурочки. Бабушка сказала: мы станемъ учить ее, и я сама выберу ей имя; и еще мы съ Мишей станемъ отвыкать отъ дурныхъ привычекъ, это сказала бабушка, чтобы дочка моя ихъ не переняла. А вотъ еще что, мы съ Мишей сами будемъ выдумывать письма, — такъ гораздо веселѣе! Бабушка сказала, что никто надъ нами смѣяться не будетъ, бабушку всѣ слушаются, и она не велитъ смѣяться. Пріѣзжай скорѣе, я тебѣ покажу нашу дочку. Такъ весело, что чудо!

«Твоя Саша.»

Переправивъ записочки, бабушка дала дѣтямъ по конверту, и велѣла самимъ имъ надписать; но видя, что они не справятся съ этимъ, сама легонько надписала карандашемъ, и дѣти писали между ея строчками, чернилами; затѣмъ имъ позволили выбрать облаточки и самимъ запечатать. Долго разбирались въ нихъ дѣти и толковали промежъ себя, что хорошо кабы можно было печатать тремя облатками или болѣе, — ихъ такъ много

хорошенькихъ! Наконецъ однако рѣшились, Саша выбрала плывущаго лебедя съ запечатаннымъ письмомъ, а Миша взялъ собачку, несущую письмо же.

Такъ начала бабушка пріучать дѣтей писать письма; во–первыхъ, чтобы было у нихъ сознаніе собственнаго дѣла, чтобы жара чужими руками не загребали; во–вторыхъ, чтобы вдумывались прямо, просто и вѣрно излагать мысли; а наконецъ, ей хотѣлось съ дѣтства пріучать ихъ къ перепискѣ, зная какимъ утѣшеньемъ и какою связью служитъ она близкимъ въ неизбѣжныхъ разлукахъ.